

Вступительное слово: ВХУТЕМАС – 100

В этом году мы вместе с ЮНЕСКО отмечаем столетие ВХУТЕМАСа — Всероссийских художественно-технических мастерских — одного из самых мощных за прошедшее столетие центров создания новой архитектуры, градостроительства, строительных наук. Именно ВХУТЕМАС стал самым ярким и значительным вкладом нашей страны за ее тысячелетнюю историю в развитие мирового зодчества, более того, в создание нового образа мира.

Во ВХУТЕМАСе работали Константин Мельников, Лазарь Лисицкий, Владимир Татлин, Павел Флоренский, Анна Экстер, Иван Леонидов, Моисей Гинзбург, Александр Веснин, Николай Ладовский и другие. Созданное ими потрясает воображение, их произведения продаются на аукционах за миллионы долларов.

ВХУТЕМАС действительно изменил облик мира. «Восточная часть Манхэттена была построена ВХУТЕМАСом», — так смогут подумать исследователи архитектуры через 100 тысяч лет, когда сравнят фотографии композиций из параллелепипедов, делавшихся во ВХУТЕМАСе, и снимки руин небоскребов Манхэттена. Конечно, Манхэттен не имеет никакого отношения ко ВХУТЕМАСу, однако и модели пространственных композиций российских авангардистов, и небоскребы мастеров, в том числе наших, строивших в Нью-Йорке и Чикаго, демонстрируют то, что отличает мир, созданный человеком по новым законам геометрии и тектоники, от нерукотворной природы и исторической среды прошлых тысячелетий.

Сотни тысяч лет назад люди поняли, что существует пространство. В Центральной Франции, в Дордони, 15 тысяч лет назад художники верхнего палеолита, рисуя на стенах пещер часть своей жизни — охоту на бизонов, показали, что пространство природы может соединяться с пространством, созданным воображением человека. Тысячи лет назад от Сибири до Британских островов возникло великое множество сооружений из костей мамонта или из камня, — и в этом творчестве протонаука соединилась с протоискусством, создав непреходящие законы архитектурно-строительной культуры. Архитекторы античной Греции передали в формах ордера, то есть в рядах колонн, окружающих Парфенон, свойства пространства, описанного геометрией Эвклида и символической логикой Пифагора. Пять веков — от Возрождения до XX столетия — архитекторы формировали «понятное», тектонически «правильное» пространство, наполненное

назидательными мыслями. Со временем здания становились все более скучными и, наконец, их формы перестали отображать образ мира.

Движение Искусств и ремесел, Немецкого Веркбунда и мастера рационалистического направления стиля модерн подготовили то, что Баухауз и ВХУТЕМАС и все, кто исповедовали те же идеи, положили конец такому положению вещей.

ВХУТЕМАС совершил революцию в понимании пространства, что стало его главным достижением, бесконечно важным сегодня.

ВХУТЕМАС предложил — в реальности искусства и в реальном строительстве — пространство, соответствовавшее жизни новейшего времени.

ВХУТЕМАС отбросил одежды, в которые архитектура в течение тысячелетий одевала пространство.

ВХУТЕМАС пространственными методами за счет точной геометрической формы и композиции, составленной из ясных объемов, научился передавать мысли, по-новому отображающие смысл жизни и работы человечества.

Мастера этой великой российской художественной школы, таким образом, совершили один из немногих великих переворотов в истории искусства, изменив видение и выражение реальности в жизненной среде.

Пространственная революция, произошедшая во всем мире, совпала с социальной революцией в России, и это не было случайностью. В искусстве ВХУТЕМАСа, по словам Константина Мельникова, «гремели аккорды громовой революционной симфонии»; произведения ВХУТЕМАСа создавались раздраженными душами, стремившимися к новой жизни.

Однако ВХУТЕМАСа не существовало бы, если бы не было художников «Бубнового валета», «Ослиного хвоста», протоконструктивизма Федора Шехтеля и Александра Кузнецова — концентрации художественной энергии в России накануне и во время Первой мировой войны. Восстание против исторических форм искусства началось задолго до восстания большевиков.

Цель борьбы художников, завершенной ВХУТЕМАСом, заключалась в новой организации жизни.

Лазарь Лисицкий писал в первом номере журнала «Вещь»: «Основной чертой современности мы почитаем торжество конструктивного метода. Мы видим его и в новой экономике, и в развитии индустрии, и в психологии современников, и в искусстве». Его слова остаются актуальными и сегодня.

Речь шла не только об организации нового материального мира, но и о производстве новой духовной энергии. В своем манифесте «Кредо» Александр Веснин подчеркивал: «Все эти элементы я рассматриваю как материализованные энергии, обладающие динамическими свойствами (движением, напряженностью, весом, скоростью...), целесообразно регулируемые художником...». Александр Веснин хотел, чтобы энергетические волны взбудораженной современности наполнили мир, изменив облик каждой вещи. «Темп современности быстрый, динамический и ритм ясный, точный, прямолинейный и математический, материал и целесообразность определяют строй создаваемой современным художником вещи», — писал он в 1922 году, и эти слова более чем актуальны для строительства нашего мира и миров будущих поколений.

Во ВХУТЕМАСе учили формировать новый мир, строить его по законам искусства, а не марксизма. Тем не менее, именно Ленин подписал декрет об образовании ВХУТЕМАСа. Вероятно, он не понимал, что делает. Через три месяца после этого Ленин посетил ВХУТЕМАС, чтобы повидать одну из студенток — дочь Инессы Арманд. Тогда он многое увидел впервые (например, супрематическую живопись) и не одобрил это новое. Авангард казался вождю всего лишь футуризмом, создававшим такой образ будущего, который был ему неприятен. «Товарищ Покровский! Паки и паки прошу... — писал он, — нельзя ли найти надежных антифутуристов». Сталинский ампиризм показал, что можно, и очень неплохих.

Может быть, мастера ВХУТЕМАСа иногда и мечтали о коммунизме. Но все же между ВХУТЕМАСом и коммунизмом нет прямой связи. ВХУТЕМАС в отличие от коммунизма оказался вечен, и он не делал портивших жизнь ошибок, не убивал и не мечтал зря. ВХУТЕМАС не был Великой Утопией, как не был ею и весь русский авангард. А геометрия ВХУТЕМАСа стала реальностью и классикой.

Прошло столетие, и уже понятно, что мастера великой московской художественной школы создали будущее. В восприятии пространства человеком навсегда сохраняются те понятия о протяженности, вертикали и горизонтали, поверхности, форме, цвете и объеме, конструкции, что сумели постичь Татлин, Ладовский и их коллеги. Их мысли отвечали не сиюминутной увлеченности авангарда, ими двигали законы истории, не измеряемой человеческой жизнью. Сменится череда поколений, но вряд ли кому-нибудь удастся скрыть форму здания под маскарадным костюмом декора.

Так какая же утопия заключалась в пространстве ВХУТЕМАСа, если предсказания его мастеров неуклонно сбываются? Нет, там был трезвый расчет, правда,

непривычный, особый, продуманный не на десятилетия — на века. Мастера ВХУТЕМАСа не предвидели появление сталинского искусства. Последний великий всплеск классицизма в 1930—1950-е годы, казалось, совершенно уничтожил ВХУТЕМАС и распылил его наследие. Как, наверное, раздражали Ивана Леонидова исторические композиции на коммунистические темы! Александр Веснин в 1947 году не выдержал и осмелился сказать, что «Венера Милосская — это безмятежная и гордая олимпийская богиня, а отнюдь не физкультурница...».

Для каждого художника, связанного со ВХУТЕМАСом, уничтожение его идей стало личной трагедией. Каково же было жить Константину Мельникову в собственном, составленном из двух пересекающихся цилиндров, доме в Кривоарбатском переулке, не строя ничего долгими десятилетиями? Как мог существовать Иван Леонидов, осуществив только лестницу в ведомственной санатории Кисловодска? Зачем им всем была послана эта мука? Очевидно, в качестве платы за бессмертие, в котором растворятся жизненные страдания.

Когда хоронили Ивана Леонидова, один из выступавших на панихиде сказал, что в жизни усопшего было столько же шипов, сколько их могли бы насчитать на розах, принесенных на его могилу. «Как хороши, как свежи будут розы, моей страной мне брошенные в гроб...», — мог бы сказать словами Игоря Северянина любой из мастеров ВХУТЕМАСа.

Сегодня все признают величие ВХУТЕМАСа, но не все следуют его архитектурным принципам. Это, вероятно, происходит потому, что мы недостаточно далеко ушли в будущее. Тот этап советского прошлого, на котором отвергались принципы ВХУТЕМАСа, все еще слишком близок.

Осудив исторические формы строительного искусства в эпоху хрущевской оттепели, советское зодчество не смогло вернуться к поэтике авангардного пространства. К несчастью, в течение многих десятилетий у пространства большинства новых городов не было никакой поэтики. Индустриальность оказалась единственным качеством, вернувшимся вместе с неукрашенными зданиями из железобетона. Правда, мы на горьком опыте невиданного во всей истории масштаба поняли, что смысл человеческих сооружений не может складываться из типовых панелей.

Утрата художественного смысла стала самой страшной болезнью архитектуры и строительства. Пространство потеряло одно из своих главных измерений — четвертое, а именно: смысл, и даже в обыденном, бытовом языке стало называться «площадью». Фантасты часто описывают жизнь людей, овладевших множеством

измерений. Однако еще никто не пытался представить себе, что произойдет, если исчезнет хотя бы одно из них. Тогда пространство просто перестанет существовать, по крайней мере — как часть строительного искусства.

Что-то подобное случилось с нами. Лишь свойства пространства образуют «материализованные энергии», о которых говорил Александр Веснин. В этом заключена вечная юность наследия ВХУТЕМАСа. Возможно, именно через него проходит путь в будущее — к новым смыслам строительного искусства — для нашей архитектуры и строительной культуры, отвечающей будущей реальности жизни, которую создадут, как хочется надеяться, Национальные проекты.

Задачи сегодняшнего дня в значительной, даже удивительной степени близки тем, что ставили перед собой архитекторы, градостроители и инженеры ВХУТЕМАСА. Сегодня мы вновь стоим перед необходимостью произвести революцию во всех областях строительного искусства, пусть даже ее называют реновацией. Именно новое осмысление основных постулатов нашей общей профессии и для инженеров, и для зодчих – преобразование пространственной среды нашей страны — может решить проблемы, заложенные еще в одном переустройстве: радикальном благоустройстве жизненной среды, обозначенном Президентом и Правительством Российской Федерации в контексте Национальных проектов.

Ректор МАРХИ,
академик Д.О. Швидковский